

ДЕТЕКТИВ В СТИЛЕ НУАР

Майк Галь

Майк Галь

Детектив в стиле нуар

«Издательские решения»

Галь М.

Детектив в стиле нуар / М. Галь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852435-6

Утонувший в тумане портовый город. Тёмные улицы, странные люди. Таинственные огни в хмуром небе. Гангстеры на военных катерах, падающие в море самолеты, череда необъяснимых убийств. Частный сыщик, преследуемый и мафией, и полицией, упорно идёт по следу, от одной загадки к другой, сквозь ночные погони и перестрелки. И всё ради неё — девушки с глазами цвета осеннего моря... Книга написана в лучших традициях «чёрного» нуар-детектива: смесь интриги, жестких диалогов и циничной мужской иронии.

ISBN 978-5-44-852435-6

© Галь М.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	18
ГЛАВА 6	22
ГЛАВА 7	27
ГЛАВА 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Детектив в стиле нуар

Майк Галь

© Майк Галь, 2017

ISBN 978-5-4485-2435-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Город приближался. Он словно выныривал из ночного мрака. Его огни мерцали внизу, словно угли огромного костра, разбросанные вокруг черного зеркала залива. Двухмоторный почтовый «дуглас» готовился к посадке. Командиру оставалось выполнить последний разворот перед выходом на глиссаду. Слева, сразу за белыми штрихами приборя, уже светилась прямая и яркая гирлянда посадочной полосы. Двигатели гудели ровно и слаженно, сжигая оставшееся в баках топливо.

Командир заложил левый вираж, нацеливая нос «дугласа» на огни аэропорта. Целиком сосредоточившись на управлении, он не сразу заметил, как откуда-то справа появился странный, ни на что не похожий клубок света. Округлая плотная масса, искрясь и переливаясь всеми цветами радуги, вдруг плавно и стремительно понеслась наперез самолету.

– Черт! Что это?! – подскочил в кресле второй пилот. – Командир, смотри! Эта штука летит прямо на нас!

– Вижу! Не дергайся... – сквозь зубы процедил командир. – Попробую поднырнуть. – Он вжался в спинку кресла, с усилием толкая штурвал от себя.

И без того летевший со снижением «дуглас», начал забирать еще круче влево и вниз, почти переходя в пике. Двигатели, истошно воя, рубили пропеллерами холодный морской воздух. Загадочный сгусток света быстро приближался, все больше увеличиваясь в размерах. Второй пилот смотрел на него, не мигая и не шевелясь, за его спиной бледным пятном застыло лицо вцепившегося в спинку кресла бортмеханика – в их распахнутых глазах отражалось быстро растущее облако разноцветных огней...

– Похоже, разошлись... – хрипло сказал командир, выравнивая самолет и провожая глазами пронесшееся над ними «нечто».

– Слава богу, обошлось, – коротко перекрестился бортмеханик.

– Уф!.. – с облегчением выдохнул второй пилот. – Что это была за хреновина?..

Никто не успел ответить. Самолет что-то хлестко ударило, правое крыло брызнуло фонтаном искр и, бешено кувыркаясь, отлетело вместе с двигателем в темноту. Ревя оставшимся мотором, «дуглас» завертелся волчком, затрещал, раскололся по швам и, извергая из себя груды писем, бандеролей и посылок, неумолимо понесся навстречу черной воде залива...

ГЛАВА 2

Светофор, висящий на уровне окна, переключился на зеленый, и стены в кабинете, только что бывшие яично-желтыми, окрасились в холодный изумрудный цвет. Город накрыли ранние осенние сумерки, и давно пора было включить лампу, но Виктор продолжал сидеть в потемках за своим стареньким письменным столом, погруженный в круговорот невеселых мыслей, которым монотонно и безразлично вторил с улицы светофор: красный... желтый... зеленый... желтый... красный...

Телефон молчал весь день. За целый день в конторе не раздалось ни единого звонка. Кажется, у людей в этом городе больше не осталось проблем. По крайней мере таких, которые решаются с помощью частного детектива.

Он все-таки привстал с кресла, протянул руку к настольной лампе и щелкнул выключателем. Пятно желтого света упало на стол, разметав вечерний сумрак по углам кабинета. На белесой от локтей столешнице лежали серый цанговый карандаш, ластик и несколько листов бумаги. На одном был нарисован все тот же чертов телефон – нарисован старательно и подробно – последние две недели времени для художественных эскизов хватало с избытком.

Виктор скомкал рисунок, скатал из него бумажный шарик и привычным движением зашвырнул в мусорную корзину. Остальные листы, вместе с карандашом и ластиком, сгреб ладонью в верхний ящик стола. Торчать в конторе больше не было смысла.

Он вздохнул и выбрался из-за стола. Морщась, расправил плечи и лениво побрел к вешалке за плащом и шляпой. Одевшись, взглянул на себя в зеркало, потер пальцами заросший подбородок, снова вздохнул, что означало: «Бывало и получше». Затем вернулся к столу и погасил лампу. Одновременно с наступившей темнотой с улицы донесся пронзительный визг автомобильных покрышек и тяжелый металлический удар.

Удар был достаточно сильным, чтобы заставить его подойти к выходящему на перекресток угловому окну и посмотреть вниз. Два легковых автомобиля встретились точно под светофором и теперь замерли, как пара драчливых котов, вздыбив капоты и шипя друг на друга пробитыми радиаторами. Кажется, обошлось без жертв. Только водители выскочили на дорогу и, разделенные покореженным железом, орали друг на друга, брызжа слюной и надсаживаясь. При этом один все время тыкал пальцем в сторону светофора, а второй махал рукой куда-то за горизонт, в небо, должно быть, призывая в свидетели самого господ Бога.

На удивление быстро прикатила полиция. Большая черно-белая машина, коротко и зло рявкнув сиреной, заставила зевак вернуться на тротуар и не мешать другим автомобилям протискиваться сквозь ставший вдруг тесным перекресток. Двое полицейских выбрались из тепла патрульного авто в промозглую серость улицы. С угрюмым видом они начали рутинную процедуру оформления аварии. Словом, все как всегда. Перекресток принес очередную жертву своему дорожному божеству – трудно сказать, какую по счету, но то что аварии здесь случались чаще чем в других местах, Виктор заметил давно. Больше смотреть было не на что, и он направился к двери.

Телефон на столе словно ждал этого момента. Резкий звонок заставил Виктора вздрогнуть и застыть в полутьме кабинета. Несколько долгих секунд он стоял, занеся руку над аппаратом, а тот все звонил – настойчиво и с каким-то ехидным злорадством: мол, что же ты, дружок, ты ведь сам этого хотел... Наконец Виктор снял трубку и сказал в невидимое пространство: «Частные расследования, детектив Катранжи. Слушаю вас!»

После секундной паузы в трубке послышался шорох, короткий вздох, и нерешительный женский голос произнес:

– Ало?.. Здравствуйте... Вы детектив? Мне нужно найти человека. Мне сказали... мне посоветовали обратиться к вам. То есть, я хочу спросить – вы занимаетесь такими делами?

– Добрый вечер, мадам... Да, конечно, мне приходилось искать людей, – сказал Виктор, стараясь чтобы голос не казался усталым и в то же время привычно прикидывая, насколько случайно у дамочки оказался его номер. – Вам нужен чей-то адрес в этом городе?

– Нет... Понимаете, пропал мой брат... Я не местная. Приехала проведать брата. Он живет один и... В общем, его нигде нет. Он исчез. Я была в полиции, там сказали... Они сказали...

– Сказали, что у них нет достаточных оснований его искать, и посоветовали нанять частного сыщика, – решил сэкономить время Виктор.

– Да, – вздохнула она обреченно. – Они так и сказали. Я приехала всего на несколько дней и... не знаю, что делать. Я очень беспокоюсь. Мне кажется, с ним что-то случилось.

– Ну что вы, не стоит раньше времени волноваться... – произнес Виктор отеческим тоном. – Простите, как вас зовут?

– Меня зовут Милена. Милена Беркова. Скажите, вы могли бы сейчас со мной встретиться?

– Э-э... Прямо сейчас?.. Одну минуту, – сказал Виктор, делая вид, будто сверяется с расписанием... Звонок был пустяшным. Скорее всего, братик развлекается с какой-нибудь подружкой, а то и с двумя. Веселится, позабыв обо всем на свете. Взрослые, а тем более одинокие братики поступают так время от времени, совершенно не заботясь, что кому-то придет в голову их искать – родной ли сестренке, нагрывушей как снег на голову с домашними пирожками и приветом от мамы или случайно подвернувшемуся частному сыщику... А впрочем, какая разница. Какая разница, кого искать. И какая разница, кто и почему решил вдруг подкинуть на мой счет пару монет. Тем более, что выбирать сейчас особенно не из чего...

– Хорошо, госпожа Беркова. Куда мне подъехать?

– Ммм... Знаете, я тут совсем рядом, в отеле «Фламинго». Давайте встретимся в баре. Через четверть часа вас устроит?

– Да, меня это устроит, – сказал Виктор слегка озадаченно. «Фламинго» располагался через дорогу, прямо напротив его конторы. – Значит, через пятнадцать минут в гостиничном баре. Спросите Виктора Катранжи, я предупрежу бармена.

Вот и ответ на вопрос, как она о нем узнала, подумал он, кладя трубку. Или старина Карл подсказал, или... просто посмотрела в окно и увидела вывеску.

Он вышел в полутемную приемную и прикрыл за собой дверь – сквозь матовое стекло двери было видно, как переключает свои три цвета светофор. Приемная была крохотной. Здесь пахло канцелярской пылью, старой бумагой и засохшим клеем. На бесхозном секретарском столе неприкаянными сиротами стояли зачехленный «Ремингтон» и еще один телефонный аппарат. Виктор щелкнул ногтем по черному дерматиновому чехлу пишущей машинки, в ответ там что-то жалобно тренькнуло. Звук повис в застоявшемся воздухе и тихонько умер, словно осенний комар на лету.

Большое офисное здание давно опустело, из соседних контор не доносилось ни звука, лишь где-то в дальнем конце коридора гремел ведрами ночной уборщик. Виктор вышел и запер входную дверь, про себя отметив, что висящая на ней металлическая табличка с надписью «В. Катранжи. Частные расследования», смотрится пока достаточно свежо и даже оптимистично.

На улице было зябко. С низкого неба летела водяная пыль, закручиваясь спиралями в свете ранних фонарей. Порывистый ветер играл с прохожими в игру «кому достанется эта шляпа». Зонтами ветер тоже не брезговал, и если вырвать зонт из рук не удавалось, он со злостью выворачивал его наизнанку.

Разбитые автомобили с перекрестка уже убрали. Один, должно быть, укатил своим ходом. Второму это оказалось не под силу, он стоял у тротуара, истекая черным маслом в жи-

дании буксира. Придерживая рукой шляпу, Виктор перешел мощеную булыжником улицу и нырнул в крутящуюся дверь «Фламинго».

Лучшие дни этого когда-то дорогого и помпезного заведения, расположенного в старом здании из серого камня, были в прошлом. И хотя хозяева изо всех сил делали вид, что их детище все еще остается тихой гаванью для богатых и респектабельных путешественников, на самом деле это было далеко не так.

В пустом холле было тепло и тихо. Звук шагов эхом отскакивал от старых, отделанных мореным дубом стен. Виктор кивнул портье и, расстегивая на ходу плащ, прошел по выложенному узорчатой плиткой полу к высокой двойной двери бара-ресторана. На больших витражных стеклах симметрично изгибали длинные шеи два розовых фламинго – слишком розовых, если честно. Он толкнул одну из створок и шагнул в небольшую гардеробную с мутными зеркалами в позеленевших рамах и выцветшей ковровой дорожкой на полу. Вручив сонному гардеробщику плащ и шляпу, пригладил пятерней волосы и прошел в зал.

Здесь его знали, сюда он, что называется, хаживал. Не так часто, чтобы считаться всегда, но достаточно, чтобы быть с барменом на ты. Бармена звали Карл. Ему было хорошо за пятьдесят, был он толст, немногословен и мудр, что, впрочем, умело скрывал.

Карл был занят. Он угощал кофе парочку полицейских, тех самых, что оформляли аварию на перекрестке. За это стражи порядка развлекали бармена какими-то своими полицейскими байками. У стойки их настроение явно поднялось, громкий возбужденный разговор сопровождался веселым похрюкиванием, да и Карл, наверняка, сдобрил кофе хорошими порциями бренди...

«Ты, говорю, можешь хотя бы сказать – на какой свет ехал? На светофоре какой свет горел?.. Не знаю, говорит, сержант. Их там много горело и все разные... Нет, ты слышишь? Гы-гы-хрр-хрр... Чудило грешное! Все разные, говорит!.. Хрр-хрр...»

Виктор прошел мимо здоровенных круглоголовых полицейских к дальнему концу стойки и уселся на высокий табурет. Карл посмотрел в его сторону и кивнул. Виктор кивнул в ответ. Карл вновь повернулся к раскрасневшемуся от смеха мордастому сержанту, который, отвесив квадратную челюсть, блаженно всхлипывал, утирая тыльной стороной ладони выступившие слезы.

– Так что, сержант, парень действительно проспал светофор? – спросил Карл.

– Ага – гы-гы-хрр-хрр – проспал! Как говорится, уснул и видел сны! Голову свою он проспал!.. Хрр-хрр... Как он там сказал? – сержант крутнулся на табурете к своему напарнику. – Чашка, плошка... Нет, блюдец! Вот, точно! Летающее блюдо!

– Что вы говорите! В самом деле? Он сказал, что видел летающее блюдо? – изобразил искреннее удивление Карл. – И что же, он был трезвым, этот парень?

– Спиртным от него не пахло, это точно, – сказал второй полицейский и провел рукой по коротким рыжим волосам. – А уж был ли он трезвым...

– Думаете, наркотики? – сказал Карл, заговорщицки понизив голос.

– А что я должен думать, если кто-то за лобовым стеклом вместо светофора видит черт знает что! – нервно усмехнулся полицейский, мотнув рыжей головой.

– Да уж... – сказал Карл и сочувственно поцокал языком. – Все словно помешались на этих летающих блюдах. Как началось сразу после войны... Теперь вот и в нашем городе тоже – прямо мода на них какая-то... Я говорю, что-то часто их стали видеть, вы не находите?

– Мода? – снова усмехнулся рыжий полицейский. – Не знаю, приятель, на что в нашем городе мода, на блюда там или какую другую посуду... – он сделал паузу и вдруг, понизив голос до шепота, заговорил краешком рта, – а вот ЛСД нам действительно стал частенько попадаться. Тут не то, что блюда – ангелов небесных над дорогой увидишь...

Виктор живо представил себе парящего над перекрестком толстого рыжего регулирующего с ангельскими крыльями за спиной и не сдержал улыбки.

– Ну все, хватит трепаться, поехали! – как-то сразу став серьезным, сказал сержант своему напарнику и зыркнул на Виктора холодными водянистыми глазами.

Похлопав зачем-то ладонями по стойке, полицейские грузно сползли с табуретов. Их лица тут же начали деревенеть, принимая служебное, туповато-надменное выражение. Отработанными движениями, топчась и побряхтывая, они расправили складки под ремнями с многочисленной амуницией, скупно кивнули Карлу и, на ходу нахлобучивая фуражки, затопали к выходу.

– Извини, – сказал Карл, подходя к Виктору. – Сам видишь, какие гости пожаловали.

– Привет, Карл! Все в порядке, – сказал Виктор. – Мне с ними тоже приходится ладить.

– Что будешь пить? Как обычно – кофе и двойной «Янтарный берег»? – спросил Карл.

– Только кофе... Я пока на работе, – сказал Виктор.

– Понятно, значит, кофе и сигареты... Или?.. Да ладно, не может быть! – сказал Карл, глядя Виктору прямо в глаза. – Ты что, хочешь сказать, с тех пор так ни разу и не закурил?

– Только кофе, – повторил Виктор.

Карл недоверчиво хмыкнул, покачал головой и занялся кофе – большой, белый и невозмутимый, словно пассажирский пароход.

Виктор развернулся на табурете и, облокотившись на стойку, стал разглядывать зал. В тихом сумраке таинственно поблескивал лак деревянных панелей, тускло сияла бронза старинного багета, загадочно мерцали богемское стекло и венский хрусталь – ресторан производил впечатление престижного и дорогого, если, конечно, не включать верхний свет. Собственно, поэтому его никогда и не включали.

Народу было немного. На нескольких столиках светились зеленые абажуры, делая их похожими на уютные обитаемые островки среди сизого мрака. Между столиками белыми беззвучными призраками двигались рубашки официантов. Самым же освещенным местом была стойка бара. Каждый, кто попадал в ее свет, чувствовал себя словно на сцене, под перекрестным вниманием чужих глаз. Участвовать в этом спектакле одного актера Виктору совсем не хотелось, он снова повернулся лицом к стойке и забарабанил пальцами по краю столешницы.

Карл поставил перед ним дымящийся кофе, рядом молча положил пачку мятной жевательной резинки. Виктор с усмешкой посмотрел на Карла и соскользнул с табурета. Двумя пальцами подхватил блюдце с чашкой, свободной рукой взял со стойки пачку жвачки и помаhal ею в воздухе.

– Это, надо понимать, бонус за счет заведения? Не думай, что так дешево отделаешься. Ты не забыл, что мы спорили на «Камю»?

– Не забыл. До Рождества еще есть время, – усмехнулся Карл. – Ждешь кого-то?.. Наверное, девушку. Угадал?

– Угадал, – сказал Виктор, прикидывая, где бы присесть. Выходит, это все-таки Карл дал ей номер моего телефона, подумал он...

– Красивую? – спросил Карл и растянул губы в ехидной ухмылке.

– Сейчас узнаем, – сказал Виктор, осторожно унося кофе в самый темный угол.

Или дамочка все-таки увидела вывеску?..

ГЛАВА 3

Она появилась с невероятной для женщины точностью. У Виктора было достаточно времени разглядеть ее из своего угла. Он видел, как она обратилась с вопросом к Карлу, как тот внимательно выслушал ее и, прекрасно зная, что Виктор сейчас на них смотрит, о чем-то долго еще переспрашивал, делал задумчивое лицо, надувал щеки, чесал в затылке, пока наконец не соизволил указать толстым пальцем на его столик.

Красавицей Милена Беркова не была – милая, симпатичная, не более того. На вид лет двадцать пять – может, чуть больше. Ниже среднего роста, стройная, светловолосая, со строгим взглядом серо-голубых глаз. На губах ни помады, ни улыбки, – просто сама серьезность. На ней была узкая темно-серая юбка, бледно-голубой со стальным отливом жакет, на голове такого же цвета маленькая шляпка – все сидело безупречно, но как-то уж очень провинциально, без шика. В руках черная лакированная сумочка в форме сильно вытянутого прямоугольника – в такой одинаково удобно носить как складной зонт, так и длинноствольный магнум. Стискающие сумку пальцы побелели от напряжения, и это единственное выдавало, что госпожа Беркова нервничает.

– Господин Катранжи? – спросила девушка с еле заметным намеком на улыбку. – Я Милена Беркова. Спасибо, что пришли.

– Приятно познакомиться, госпожа Беркова. Присаживайтесь, – почти официально сказал Виктор и сделал рукой приглашающий жест, исчерпав этим дневной запас галантности.

Она села напротив, вся собранная, с прямой напряженной спиной. Сумочку положила на колени, накрыв ее скрещенными руками без единого перстенька или колечка. Беззвучно подплыл и склонился рядом официант. «Кофе и сливки, пожалуйста», – не слишком уверенно попросила она и, подобно леонардовой Джоконде, обозначила улыбку самым краешком бледных губ. Официант кивнул и растворился в темноте. Девушка какое-то время молчала, разглядывая скатерть, потом, словно решившись, взглянула прямо на Виктора, и тому стоило некоторых усилий не утонуть ненароком в широко распахнутых и полных неподдельной тревоги глазах цвета осеннего моря.

– Итак, вы сказали, у вас пропал брат, – сказал Виктор, отчего-то хриплым голосом. – У вас есть с собой его фотография?

– Нет. К сожалению, нет. Если бы я знала, что так случится...

– Как зовут вашего брата? Сколько ему лет? Сможете описать его словами?

– Да, конечно. Его зовут Антон Берков. Ему тридцать четыре – на семь лет старше меня. Высокий. Худой. Даже слишком худой. Волосы светлые, светлее моих, голубоглазый. Что еще... Да, очки! Круглые такие, смешные, в металлической оправе.

– Какие-то особые приметы у него есть? Шрамы, родинки, татуировки?

– М-м... Родинок нет. А вот татуировки... На плече, на правом, кажется... Да, точно – на правом, вот здесь. Какая-то птица, летит и что-то несет в когтях, не помню что. Еще инициалы «А» и «Б». Да, и надпись внизу – что-то такое про небо. Антон говорил мне, что это военная эмблема. Знаете, он во время войны служил здесь в частях ПВО. Он авиаинженер, его призвали после университета. После демобилизации решил остаться – женился на одной местной красотке, танцовщице из варьете. Устроился авиамехаником на аэродроме, а в прошлом году... Может не стоит об этом говорить... Она, то есть его жена, сбежала с каким-то столичным артистом, гастролером-фокусником... Нет, детей у них нет... Антон тогда переживал очень. Он и сейчас переживает... Он теперь один живет, а я иногда приезжаю навестить.

– Где он живет?

– Меблированный дом в Хлебной гавани. Снимает там квартиру.

– Там вы, конечно, были... С кем вы разговаривали? Что вам сказали?

– С управляющей домом. Какая-то кошмарная старуха! Она сказала, что не знает где сейчас Антон. В квартиру она меня не пустила. Сказала только, что давно его не видела, неделю или больше... Она назвала его пьяницей. Сказала, это не сильно ее волнует, пока он платит за квартиру.

– Он что, действительно пьет? – спросил Виктор.

– Последнее время, да, – вздохнула девушка, и глаза ее потемнели.

– К нему на работу, полагаю, вы тоже ездили?

– Да, я была там... – она поджала губы. – Знаете, оказывается его уволили. Давно, еще весной. Уволили за... за пьянство... Где он работает сейчас, никто не знает. – Она замолчала, взгляд серо-голубых глаз был обращен в пустоту.

Подошел официант, поставил на стол кофе, сливки и снова исчез в темноте. Виктор исподлобья взглянул на девушку, потом посмотрел на свои руки, сцепленные над столом. Он расцепил пальцы и, сложив их домиком, сказал:

– Госпожа Беркова. Ваш брат самостоятельный человек. Взрослый, одинокий мужчина. Согласитесь, естественно было бы допустить, что он может проводить время по своему усмотрению – где угодно, как угодно и...

– С кем угодно... Вы это хотели сказать? – печально улыбнулась Милена Беркова своей скупой джокондовой улыбкой. – Да, конечно, вы правы, у него своя жизнь, но... Вы не знаете Антона. И вы не знаете наших с ним отношений. Я хочу, чтобы вы поняли: он с детства очень аккуратный и дисциплинированный человек, – нас так воспитали. Даже если он пьет, это еще ничего не значит! Если он получил мою телеграмму, то просто не мог, понимаете, не мог меня не встретить!

– А если не получил? – спросил Виктор.

– То есть, как не получил? – удивилась девушка. Такой вариант она, похоже, даже не рассматривала.

Господи, подумал Виктор. Я сижу тут и уговариваю ее не тратить попусту, то есть на меня, частного сыщика Катранжи, свои кровные, по крохам заработанные в какой-нибудь церковной лавке или в сельской библиотеке деньги. Напекаю ей и так и эдак, что загулял твой братец, крепко загулял. Так крепко, что не только телеграмму от сестры, он и саму-то сестренку рядом не заметит. Такое случается, и нечему тут удивляться... А вот коммерсант из тебя, Катранжи, хреновый. Никудышный, можно сказать, коммерсант. Потому-то и пустует в твоей конторе секретарский стол уже третий месяц... А неплохая, должно быть, секретарша вышла бы из этой провинциальной библиотекарши. Или, кто она на самом деле?

– Как же он мог ее не получить? – продолжала упорствовать Милена Беркова в своем желании расстаться с деньгами.

– Ну, мало ли... Какая-нибудь накладка, технический сбой, случайность, почтальон ногу подвернул, – сходу стал выдвигать версии Виктор, никак в свою очередь не желая становиться хорошим коммерсантом.

– Видите ли, там откуда я приехала, не так-то легко найти работу, – строго сказала девушка, сдвинув красивые брови. – Я могу остаться здесь на два, самое большее на три дня. Но вы же понимаете, я не смогу уехать, не убедившись, что с братом все в порядке! Скажите, вы сможете его найти? Сколько это будет стоить? У меня есть деньги! – И приподняв обеими руками сумочку, она потрясла ею в воздухе так, словно оттуда должен был раздаться звон золотых дукатов.

– Обычно я беру полсотни в день плюс расходы, – сказал Виктор, глядя девушке прямо в глаза, и по тому, как дрогнули ее ресницы, понял, что золотых дукатов в сумочке точно нет. – Ну и, разумеется, полный финансовый отчет по окончании работы.

– Хорошо. Меня это устраивает, – сказала она твердым звонким голосом. – Сколько вам понадобится времени?

– Думаю, за пару дней управлюсь, – сказал Виктор, вытаскивая из кармана пиджака несколько мятых бланков с типовым договором и поддельный «Паркер». – Вам нужно будет подписать контракт о найме, тогда по закону у меня появится большая свобода действий.

– Вы всегда все делаете по закону? – тут же спросила девушка.

Виктор удивленно поднял глаза, но не заметил в ее взгляде ни капли иронии.

– Всегда, – ответил он глухим голосом, каким запойные мужья обещают своим женам, что вчера – это было в последний раз.

Милена Беркова интонации не уловила и, подписав контракт, вдруг с непонятым воодушевлением заговорила о том, как это замечательно, держаться подобных правил, потому что ее отец говорит... Что? Кто ее отец?.. О, он хороший человек. У него своя ферма на юге и еще он церковный староста... Так вот, ее отец говорит, что тот кто не в ладах с законом, тот не в ладах с собственной душой, а, значит, с самим Господом. Поэтому она считает нужным сказать, что она и ее брат всегда старались поступать так, чтобы их совесть была чиста. И еще... Еще она хотела бы спросить господина Катранжи: с чего он собирается начать завтра поиски Антона?

– Э-э... Ну, во-первых, не завтра, а... прямо сейчас, – сказал Виктор, взглянув на наручные часы. Он слегка опешил от столь пафосной речи, но не подал виду. – А во-вторых, госпожа Беркова... Я не стану брать аванс за эту работу, но хотел бы кое о чем попросить. Я собираюсь осмотреть квартиру вашего брата. Вы не могли бы поехать туда со мной – составить, так сказать, компанию? Согласитесь, с вами это было бы сделать гораздо проще.

– Да, конечно... – неуверенно пожала плечами девушка. – Если это нужно.

– Буду очень признателен, – сказал Виктор, запихивая в карман свой экземпляр договора и поднимаясь из-за стола. – Итак, Хлебная гавань?.. – он вопросительно посмотрел на нее.

– Доковая, тридцать четыре... – спохватившись, ответила Милена Беркова и вскочила с места уже с совершенно решительным видом. Виктор вздохнул и направился к выходу, по пути бросив взгляд на Карла. Карл подмигнул дурашливо и незаметно показал большой палец.

Зеленых огоньков над столиками стало заметно больше. Вечер в ресторане «Фламинго» набирал обороты. В одном из углов зала высветилась крошечная сцена с красным пианино, ресторанное трио негромко заиграло нечто томно-печальное, а Виктор подумал устало, что куда приятнее было бы не тащиться сейчас по темноте черт знает куда, а остаться здесь, за этим столом, заказать двойной бренди со льдом и весь вечер просидеть, слушая музыку, одному или с этой симпатичной сельской девочкой с серыми строгими глазами, тихонько потягивать из бокала и разговаривать с ней о чем-нибудь более увлекательном, чем поиски ее непутевого брата... «Милена», – произнес он мысленно, словно пробуя имя на вкус.

ГЛАВА 4

Давненько его не заносило в Хлебную гавань, район откровенно рабочий, что называется, без прикрас. Здесь жили работяги с судоремонтного завода и портовых морозильных складов – народ простой и от жизни усталый.

Уже совсем стемнело. Брезентовая крыша машины насквозь пропиталась влагой. Через запотевшее лобовое стекло было невозможно ничего разглядеть – стертые «дворники» метались по нему с глухим ритмичным стуком, размазывая жирную от городской копоти воду. Виктор включил печку, направив теплый воздух на стекло, стало немного лучше.

Он уже четверть часа крутился среди мрачных каменных домов, тусклые фасады которых украшали ржавые пожарные лестницы и кривые водосточные трубы, шарил фарами по мутным лужам, по разбитым в щебень бордюрам и все никак не мог выехать на Доковую улицу. Милена честно пыталась ему помочь, она терла ладонью стекло со своей стороны, сосредоточенно вглядывалась в темноту, ища знакомые ориентиры, затем в отчаянии откинулась на спинку сиденья и сказала, что уже вообще не понимает, где они находятся. Тогда Виктор притормозил рядом с каким-то запоздалым пешеходом, шустро семенящим в надвинутой на глаза кепке, и спросил дорогу. Оказалось, что они находятся как раз на нужной им улице.

В подъезде дома номер тридцать четыре было сухо, относительно чисто и даже горела лампочка. Пахло какой-то химией, скорее всего, средством от тараканов. Два ряда жестяных почтовых ящиков на стене были выкрашены желтой масляной краской и вызывающе сияли, словно медали на груди штабного писаря. Почти на всех присутствовали вставные бирки с именами жильцов. Антон Берков жил в двенадцатой квартире – его имя было написано химическим карандашом тем особым почерком, каким принято делать надписи на чертежах. Виктор заглянул в ящик – пусто.

«Сюда», – сказала Милена и указала на одну из дверей на первом этаже, к которой канцелярскими кнопками была прищиплена серая неряшливая бумажка с надписью «Госпожа К. Розенгард. Управляющая. Просьба стучать». Виктор послушно выполнил просьбу госпожи К. Розенгард и, услышав в ответ хриплый бас «Кто там? Открыто!», толкнул дверь.

Милена Беркова была мягка в выражениях, когда назвала управляющую кошмарной старухой – даже слишком мягка... Госпожа Розенгард, при очень скромном росте, имела плечи ресторанного вышибалы и внешне походила на слегка кособокий кубик. На ней был длинный, до пола, плюшевый халат цвета вареной свеклы, с поясом и золотыми кистями. Из-под халата торчали острые, загнутые кверху мысы восточных серебряных туфель. Вокруг непропорционально большой головы был повязан сложенный жгутом цветастый платок, над которым грязно-серым снопом колыхались седые космы. В руке у госпожи Розенгард дымилась гаванская сигара с широким темно-красным ободком. На длинном горбатом носу сверкало неуместно-дорогое золотое пенсне. Разговаривала управляющая прокуренным трубным басом, не особенно при этом выбирая слова.

– Это опять вы, милочка? Я же вам все сказала! – сразу узнала она Милену и тут же нацелила огромный нос на Виктора. – А это кто с вами?! Легавый?! Так я и знала!.. – сверкнув поверх пенсне маленькими поросычьими глазками, громогласно затрубила она. – Какого черта, милочка! Зачем вы его притащили?.. Терпеть не могу, когда полиция сует нос в мои дела! Что вам здесь нужно, юноша?

– Я не полицейский, – пропустив «юношу» мимо ушей, произнес Виктор бархатным голосом ресторанного конферансье. – Я знакомый госпожи Берковой. Мы хотели бы осмотреть квартиру ее брата... Думаю, вы понимаете, что это необходимо. Что бы быть до конца уверенными. Что бы, так сказать, убедиться собственными глазами. Опять же, во избежание, как вы

сказали, вмешательства полиции... Не будете ли вы так любезны, мадам, одолжить нам запасные ключи от его квартиры. Или, может быть, вы желаете подняться туда вместе с нами?

Старуха уперла руки в бока, глубоко, с присвистом, вдохнула, открыла рот и... снова его закрыла. К человеческой наглости она относилась с пониманием. Более того, вопреки известной поговорке, для нее человеческая наглость была вовсе не вторым счастьем, а как раз таки первым. Но вот такая наглость – вежливая, холодная, отстраненно-элегантная – никогда не давалась ей в полной мере и она искренне завидовала людям, которые пользовались ею легко и небрежно.

– В чем это вы хотите убедиться? – прогудела госпожа Розенгард, безуспешно пытаясь раскурить потухшую сигару. – В том, что где-то в этом доме, не валяется труп недельной давности, о котором я случайно забыла сообщить в полицию?.. Только не врите мне, что вы не полицейский! Я имела дело с полицией, когда вы, юноша, еще имели дело со своим ночным горшком.

При слове «труп», Милена вздрогнула, побледнела и, закрыв глаза, прислонилась спиной к входной двери.

– Ладно, давайте на чистоту. Я частный детектив. Госпожа Беркова наняла меня для розыска своего брата. Это, во-первых... А во-вторых, госпожа Розенгард, скажите, с чего это вдруг вы заговорили о трупе?

– Я же сказала – ищайка! – удовлетворенно хмыкнула старуха. – И не держите меня за дуру, юноша. Зачем же еще вы рветесь в эту квартиру? Только, говорю вам, нет там никого. Я еще не совсем слепая и прекрасно знаю, что творится у меня в доме.

Она сердито выдвинула верхний ящик здоровенного древнего комода, погромела там чем-то, затем обернулась и швырнула Виктору ключ с грубой деревянной биркой, на которой черной тушью был выведен номер двенадцать.

– Идите и убедитесь сами! Я не потащусь туда с больными ногами, – прогудела, словно в пустое ведро, старуха. Она кивнула на застывшую у двери Милену и добавила: – Третий этаж, она знает...

Первое что увидел Виктор, включив свет в прихожей, была лежащая на полу у двери телеграмма. Разумеется, та самая, в которой Милена сообщала о своем приезде. Виктору это не понравилось. Он передал телеграмму девушке, и та, прижав листок к груди, рванулась сквозь прихожую в единственную комнату, в которой, как и следовало ожидать, никого не оказалось. Виктор двинулся следом, не забыв по пути сунуть нос в ванную, тоже пустую и давно требующую ремонта.

Честно говоря, он ожидал увидеть унылое жилище запойного холостяка – какую-нибудь донельзя загаженную и вонючую берлогу. Ничего подобного. Квартира Антона Беркова выглядела вполне пристойно, насколько может быть пристойной дешевая мебелирашка. Милена Беркова несколько не согрешила против истины, назвав своего брата аккуратным и дисциплинированным человеком. Похоже, тот исповедовал простой житейский принцип: чисто не там, где убирают – а там, где не мусорят. Конечно, это создавало некоторую иллюзию порядка, но только иллюзию. Чувствовалось, что в квартиру несколько дней никто не заглядывал. Застоявшийся воздух был плотен и несвеж. На всем лежал тонкий, физически ощутимый слой пыли, отбивающий всякое желание прикоснуться к чему-либо руками.

Виктор не спеша обвел глазами комнату – от входа по часовой стрелке, как привык это делать, будучи еще помощником окружного прокурора. Слева у стены большой, обитый старой коричневой кожей диван с высокой спинкой аккуратно застелен пледом-шотландкой. На темных досках пола брошен истертый прикроватный коврик. Над диваном дешевая репродукция картины в «бронзовом» багете – какой-то голландский натюрморт с фруктами. В углу низкое кресло, торшер с оранжевым тряпичным абажуром, «зеленоглазая» радиолка в полированном ящике на ножках. В дальней стене два темных узких окна с жалюзи, между ними чугунный

радиатор отопления. В правом углу широкий письменный стол с настольной лампой и с аккуратно задвинутым стулом. Над столом книжные полки лесенкой – полностью заставлены книгами. Рядом, вдоль стены, трехстворчатый платяной шкаф с пыльным зеркалом и застекленная дверь, распахнутая в кухню, куда Виктор тут же не преминул заглянуть.

Кухня оказалась узким пеналом с одним окном и выглядела откровенно бесхозной. Похоже, самое большее, что здесь делали, кипятили чайник. Стоящий на давно немытой плите, он единственный был тем, что можно было назвать кухонной посудой. Виктор похлопал дверцами шкафов, заглянул на пустые полки. В неработающем холодильнике обнаружил пачку макарон, бутылку с кетчупом и половинку луковицы. Виктора это позабавило – в его собственном холодильнике было ровно то же самое плюс пара бутылок пива. Было ясно, что хозяин жилища питался где угодно, но только не дома. Подведя этот очевидный итог, Виктор вернулся в комнату.

Сидящая на краешке дивана Милена взглянула на него вопросительно, в темных глазах были испуг и надежда. Виктору, в соответствии с моментом, полагалось сделать умное лицо. Он привычно сунул руку под плащ, чтобы достать сигареты, но наткнувшись на подаренную Карлом жвачку, вспомнил, что бросил курить. Делать умное лицо жуя резинку, Виктор счел затеей откровенно нелепой, поэтому только вздохнул и направился напрямиком к письменному столу.

Для начала он осмотрел книжные полки. Полок было три. Большинство книг на них оказалось специальной справочной литературой для инженеров и авиационных техников. Два-три тисненых корешка принадлежали книгам философско-религиозным – причем вольтеровская «Орлеанская девственница» стояла здесь рядом с «Руководством христианского солдата» Эразма Роттердамского. Следующие несколько книг скрывали под дешевыми обложками биографии каких-то полузабытых политических деятелей времен Первой мировой войны. Художественная литература была представлена единственным потрепанным томиком месье Жуля Верна «Пять недель на воздушном шаре».

Виктор перевел взгляд на стол, накрытый толстым и на вид тяжелым листом плексигласа, который, похоже, был когда-то окном в кабине транспортного самолета или бомбардировщика. На столе, рядом с настольной лампой, посверкивал гранями стеклянный стакан, плотно набитый карандашами разной степени пригодности. Здесь же стояла большая семейная фотография в рамке – мужчина и женщина с плоскими постными лицами и двое большеглазых детей-подростков, мальчик и девочка. В тощей угловатой девочке с трудом узнавалась Милена Беркова. Еще одна фотография, размером поменьше, лежала под стеклом среди карманных календарей и рождественских открыток. На ней Антон Берков в полевой лейтенантской форме был снят, скорее всего, в конце войны – молодой, улыбчивый, долговязый, в некрасивых круглых очках. Он стоял, небрежно облокотившись на спаренную зенитную установку, стоящую с задранными в небо стволами.

Виктор подцепил стекло кончиками пальцев и осторожно вытянул из под него фотографию. Перевернул. На обороте карандашом было написано: «Над нами только небо! А. Берков», ниже стояла дата. Виктор тихонечко хмыкнул: как раз в это время он командовал баржей в знаменитой десантной операции.

– Я заберу ее, с вашего позволения, – сказал он, обернувшись и показав фотографию.

Милена молча кивнула и шмыгнула носом. В серых глазах блестели слезы, вот-вот готовые пролиться. Никак не собираясь на это реагировать, Виктор вложил снимок в сложенный пополам лист контракта и убрал в карман. Он снова повернулся к письменному столу и выдвинул один из ящичков, в котором оказался всевозможный хлам: листы бумаги, огрызки карандашей, несколько старых авторучек, карманные часы с одной стрелкой, сломанный циркуль, зажигалка без колесика, половинка увеличительного стекла, перочинный ножик... Ясно, что по меньшей мере половина из этих вещей должна была быть на свалке, но выбросить их у хозя-

ина или не поднималась рука, или попросту не хватало времени. Во втором ящике порядка было больше. Здесь лежала логарифмическая линейка в дорогом бархатном футляре, латунная гильза от сорокамиллиметровой пушки (возможно той самой, что на снимке) и потрепанная книжка в мягкой зеленой обложке – «Торпедные катера. Справочник судового инженера-механика». Виктор перевернул пару страниц: схемы, таблицы, графики, что-то там в разрезе – тоска зеленая. Интересно, на кой черт авиаинженеру такая книжка? Впрочем, на торпедных катерах, кажется, стоят авиационные двигатели...

ГЛАВА 5

Было уже совсем поздно, когда он припарковался у дверей «Фламинго». Милена всю обратную дорогу молчала и выглядела совершенно усталой. Виктор тоже устал, однако у него после посещения квартиры Беркова появилось знакомое, хотя и слегка подзабытое чувство, имя которому – азарт. И вроде откуда ему в таком деле взяться, а поди ж ты... Наверное, было тут и еще что-то – томное, хмельное и словами невыразимое – только копаться в собственных чувствах было неохота.

– Приехали? – спросила Милена и сладко зевнула, прикрывая рот маленькой узкой ладошкой.

– Да, – сказал Виктор, помедлив. – Приехали. Ваш отель. – Он выключил зажигание и откинулся на спинку сиденья.

– Спасибо, – сказала Милена. – Вы хорошо водите – спокойно. С братом совсем не так.

– А что брат, гонщик? Любит притопить педаль? Кстати, вы не сказали, какая у него машина, – сказал Виктор, к стыду своему понимая, что должен был спросить об этом гораздо раньше... Старею я что ли, подумал он. Или совсем от безделья форму потерял? Теперь хоть возвращайся назад, чтобы выяснить, не стоит ли машина Беркова сейчас где-нибудь рядом с домом...

– А вы и не спрашивали, – сказала Милена без всякого укора. – У него какая-то редкая машина, большая, темно-синяя. Немецкая, кажется, еще довоенного выпуска. Антон вообще любитель хорошей техники, только водит неважно... Нет, он не гонщик. Просто у него плохое зрение.

– Большая, темно-синяя, – повторил Виктор задумчиво. – А номер его, случайно...

– Нет, номера машины я не знаю. Не помню. И возле дома ее не было – я еще днем специально посмотрела.

Вот так, подумал Виктор. Она оказывается посмотрела. Еще днем. Какая, однако, умница – не то что ты, балбес... Так что можешь радоваться – не придется за полночь снова тащиться в Хлебную гавань. Скажи спасибо девушке.

– Спасибо, – сказал Виктор.

– За что? – искренне изумилась Милена. Это вам спасибо за то, что согласились помочь.

– Это моя работа, – ляпнул Виктор первое, что пришло в голову и тут же почувствовал, как начинает злиться сам на себя... Похоже, я и правда устал, с досадой подумал он. Несу какие-то пошлые киношные глупости, словно гостиничный альфонс. Наверное, мне нужно поменьше говорить. Да-да, чуть поменьше с ней говорить и чуть поменьше на нее смотреть. И еще, может быть, чуть-чуть подальше от нее держаться...

– Я буду держать вас в курсе дела. – сказал он голосом диктора, которому впервые доверили объявить прогноз погоды. – Позвоню, когда появятся какие-нибудь новости.

– Хорошо. В таком случае, я остановилась в сто двадцать шестом номере. Об этом вы, кстати, тоже не спросили, – сказала Милена, и на этот раз в ее голосе послышались нотки укора.

Она тихо попрощалась и вышла из машины, аккуратно ставя ногу на мокрый тротуар. Медленно прошла к крутящимся дверям «Фламинго», толкнула створки и растворилась в дробных отражениях стекол. А Виктор все сидел и смотрел ей вслед. Нужно было ехать домой, но он не спешил, потому что очень хорошо представлял, что ждет его дома – пара бутылок пива да сонная кошка...

«О, черт! Кошка!» – восторженно вскрикнул он, ударив ладонями по рулю. Он забыл купить консервы, просто вылетело из головы! Самому хватило бы и пива на ужин, не в первый раз, но кошка... Зверюга не даст ночью покоя, и будет абсолютно права. Как говорится, дела делами, но обеспечить жратвой несчастное, одинокое, целый день сидящее взаперти живот-

ное – уж будьте, хозяин, любезны! Нужно обязательно заехать в какой-нибудь ночной магазин, из тех, что по пути. У портье, в отеле, должен быть телефонный справочник.

Виктор вышел из машины, запер дверь и направился к дверям отеля. Он только сейчас заметил, что ветер совершенно утих, дождь прекратился, и желтый свет фонарей мутными пятнами пробивается сквозь ночной туман.

Справочник у портье был. Он шмякнул им о стойку, рядом с массивным черным телефоном, и вежливо-равнодушно отошел в сторонку. Виктор привычно принялся пролистывать эту настольную книгу частного детектива, пока не добрался до страниц, где были перечислены все ночные и круглосуточные магазины.

Кто бы мог подумать, что по ночам в городе идет столь бурная торговля, удивлялся он, водя пальцем по колонкам с десятками названий и адресов. И ладно бы это были только гастрономы, булочные или аптеки – этим сам Бог велел. Но, скажите на милость, кто в здравом уме потащится среди ночи за коробкой скрепок или парой ластиков в круглосуточные «Канцелярские товары Кирилла и Мефодия». Или, скажем, в «Универсальную сельскохозяйственную химию» за пакетом селитры или мешком каких-нибудь фосфатов... Или вот еще контора: «„Давид и Голиаф“ – торговля списанной военной техникой, снаряжением и амуницией – звонить в любое время». Интересно было бы взглянуть на идиота, который за полночь вздумает прикупить десяток пуговиц от старых солдатских штанов... Хотя, стоп! Одного я, кажется, знаю...

Он придвинул к себе телефон и, придерживая плечом трубку, стал накручивать диск, одновременно заглядывая в справочник. Долго никто не отвечал. На девятом гудке, когда он собрался уже дать отбой, на другом конце провода раздался высокий дребезжащий голос: «Фирма „Давид и Голиаф“. Директор у аппарата». Владелец дребезжащего голоса был, похоже, не молод, вдобавок плохо ладил с буквой «р» – «дигектог у аппагата».

– Э-э... Добрый вечер, – чуть замешкался Виктор. – Честно говоря, уже не думал, что кто-то ответит.

– Но вы таки дождались, молодой человек! – бодро возразил торговец армейской рухлядью. — Впрочем, если вы позвонили, чтобы пожаловаться на бессонницу, так я вам скажу, напрасно, я и сам мог бы жаловаться на нее до утра. Или вы таки позвонили по делу, и вам что-то нужно от старого Давида Манлихера? Тогда говорите уже, я вас внимательно слушаю.

– Меня интересуют военные эмблемы. Знаете, те, что пришивают на рукав мундира. Вы ведь торгуете амуницией? Вот я и подумал...

– Вы совершенно правильно подумали, молодой человек!.. – тут же перебил старик. – Конечно, я торгую амуницией. Конечно, у меня есть эмблемы. Какие эмблемы вы хотите? Морские? Сухопутные? У меня есть очень красивые эмблемы танковых войск. Есть эмблемы парашютистов. Или, может, вы хотите кавалерию? Так их у меня тоже есть! Пять тысяч штук, к примеру, вас устроят? Я мог бы дать вам приличную скидку...

– Простите, э-э... господин Манлихер. Меня интересует только одна эмблема. Эмблема войск ПВО. Противовоздушная оборона... Знаете, такая, с летящей птицей...

– Всего одна эмблема?.. – если Давид Манлихер и был разочарован, по голосу этого почти не было заметно. – Ах, ну да, конечно, я понимаю... Молодой человек, надо полагать, коллекционер. Несомненно, это та самая страсть, которая не дает нормальному человеку по ночам спокойно спать. Когда-то, помню, я тоже был коллекционером. Я коллекционировал марки. Так, знаете, я натурально, был похож на идиота – ничем не хуже вас, поймите меня правильно. А вам, значит, нужна эмблема пе-ве-о. В единственном, так сказать, штучном экземпляре. Я вас правильно понял?

– Да, господин Манлихер. Абсолютно верно.

– Хм... Ну тогда вот что я вам скажу, молодой человек. Все, что вам сейчас нужно, это лечь спать... Да-да, послушайте старика Манлихера, вам от этого не станет хуже, а совсем

наоборот. Вы просто ляжете спать в свою холодную холостяцкую постель – и не надо говорить, что это не так, иначе стали бы вы сюда звонить посреди ночи – а завтра утром или чуточку позже, вы сядете в свой автомобиль – у вас же есть автомобиль? – и приедете прямо в мою контору. Вы спросите: «И что дальше?» Так я вам отвечу. У Давида Манлихера для таких, как вы, «коллекционэгов», есть специальный альбомчик, в котором найдутся нашивки с мундиров всех армий мира и флотов в придачу! Вы, конечно, можете не верить, но я вам так скажу: там есть такое, что вы сразу же забудете про свою пе-ве-о... Нет-нет, ради бога, если вам таки надо пе-ве-о, она там тоже имеется! Но, молодой человек! Что такое эта ваша пе-ве-о рядом, скажем, с жемчужным шевроном с парадного бурнуса полковника магрибской верблюжьей сотни! Конечно, это я исключительно для примера. Я совсем не утверждаю, что у меня есть этот жемчужный шеврон. Но вы же коллекционер, вы должны понимать... Так что приезжайте! Приезжайте завтра и вы сможете все это увидеть совершенно даром!

Опешив от столь бурного словоизвержения, Виктор не сразу нашел, что ответить.

– Э-э... Да, это было бы прекрасно. Огромное вам спасибо.

Я именно так и поступлю, – расшаркался он наконец в словесных реверансах. Что и говорить, хозяин конторы «Давид и Голиаф» был словоохотлив, если не сказать болтлив, сверх всякой меры. Была ли тому причиной хроническая стариковская бессонница или элементарное одиночество, но Виктор решил воспользоваться моментом.

– Да, и вот еще что! Прошу прощения, господин Манлихер, что отнимаю у вас время... – сахара в его голосе хватило бы на ведро повидла. – Должен вам признаться, я вовсе не коллекционирую военные нашивки.

– Как! В самом деле? И в чем же тогда, позвольте спросить, причина вашего интереса?

– У меня, знаете ли, профессиональный интерес. Я художник. Работаю на издательство, которое печатает военную энциклопедию. Мне заказали кое-какие рисунки, и вот теперь я ищу образцы.

– Ах вот что! Молодой человек – художник. Кто бы мог подумать! И вы, значит, работаете по ночам... Да-да, я знаю – художники любят работать по ночам. Хотя, если подумать, на свете очень много людей, которые любят что-то делать по ночам. И это «что-то» не всегда так невинно, как ваши картинки. Так я вот что думаю: пусть эти люди лучше рисуют – или хотя бы пишут книжки, если больше ничего не умеют! Или я не прав?

– Совершенно с вами согласен, господин Манлихер. Думаю, вы правы...

– Да! Но вы вот что мне скажите! Если вам так надо, почему бы не обратитесь к военным, на их военный склад, где все это есть? Я лично так и делаю... Конечно, придется немножечко делиться. Но что делать? Мы все живые люди и все понимаем!

– К сожалению, не могу. Гонорары за мои иллюстрации не так велики чтобы, как вы говорите, делиться. И потом, у военных много формальностей. У них же сплошные секреты – это нельзя, то нельзя... Вот, например, мне очень нужно попасть на морскую базу, чтобы нарисовать с натуры обыкновенный торпедный катер. Так, представьте, разрешение на это я могу получить только в главном штабе военно-морского министерства, и еще неизвестно, сколько времени придется ждать. А ведь у меня договор и сроки... Кстати, господин Манлихер, вы случайно не знаете, у кого, кроме военных, может быть торпедный катер? Возможно какое-нибудь частное лицо? Мне бы это очень пригодилось.

– Ха! Я вас умоляю! Знает ли Давид Манлихер, у кого может быть торпедный катер?.. Молодой человек, вы же художник – вы умеете отличить черное от белого! В том самом телефонном справочнике, который, думаю, лежит сейчас перед вами – там черным по белому написано: «Давид и Голиаф – торговля списанной военной техникой». Улавливаете? Военной техникой! А что такое этот ваш катер, как не военная техника?.. Вы спрашиваете, знаю ли я владельца такого катера?.. Молодой человек! Ну скажите, как я могу его не знать, если я сам же и продал ему этот катер – почти совсем новый, только без торпед. Нет, я, конечно,

продал бы ему и торпеды, не вопрос. Но, к сожалению, наш миролюбивый, но строгий закон этого не одобряет. Так что, молодой человек, если вам вдруг понадобится подержанная военная техника, целиком или частями, какой-нибудь не очень новый танк, шасси от бомбардировщика, перископ подводной лодки или, скажем, гусеничный траншеекопатель – я вам это легко устрою... И да, насчет катера! Вы сказали, что хотели бы узнать имя владельца?

– Да, было бы неплохо...

– Не думаю, что открою большой секрет. Имя Самуил Мозган вам что-нибудь говорит? Если нет, то вы счастливый человек. Ну, а если говорит, то мне не нужно объяснять, с кем вам придется иметь дело.

– Да, я кое-что слышал о нем, – сказал Виктор, и это было чистой правдой.

– Вы кое-что слышали... Прекрасно! – с чувством картавил Давид Манлихер. – Будем надеяться, молодой человек, это «кое-что» не даст вам совершить легкомысленные поступки. Да-да, я знаю – художники очень легкомысленные люди. Поэтому они всегда умирают раньше, чем за их картины начинают платить миллионы... Шучу! Надеюсь, вам это не грозит... Итак, что я хочу сказать на прощанье. Наведитесь в яхт-клуб «Корсар». Знаете где это? Отлично! Господин Мозган недавно стал его владельцем. Он держит там коллекцию гоночных катеров. Да-да, у него настоящая коллекция, и я таки думаю, этот катер тоже стоит там! Или вы на минутку решили, что господин Мозган купил его, чтобы топить яхты конкурентов? Тогда давайте вместе за это посмеемся...

Вложив последние силы в образ бедного художника и пообещав приехать, Виктор попрощался и положил трубку. Портье, давно переставший прислушиваться к разговору, дремал за стойкой. Виктор машинально пролистнул еще пару страниц справочника и вдруг замер, уставившись в него невидящими глазами. «Черт, это какой-то рок!.. Снова Мозган!»

Конечно, он его знал. Его многие знали. Например, в полицейском департаменте. Или в следственном отделе прокуратуры. Правда там Мозган был больше известен, как Дядюшка Сэм. Еще каких-то десять лет назад он и его шустрые ребята занимались всем, что дает большие и быстрые деньги – от банального рэкета до крупной контрабанды. Тогда имя Дядюшки Сэма и слово мафия означали одно и то же. Благодаря ли врожденной хитрости или хорошим адвокатам – а скорее всего, и тому, и другому – он ни разу не был осужден, хотя попыток упрятать его за решетку предпринималось множество. После войны Мозган остепенился и отошел от откровенно криминальных дел. Поговаривали, он сумел отмыть капиталы, исключительно ловко вкладывая их в покупку земель и в строительство, и, как многие из его породы, стал вести жизнь респектабельного и законопослушного гражданина. Однако Виктор слышал, что охранниками у него до сих пор работают его бывшие подельники. Их последняя встреча стоила Виктору карьеры следователя – карьеры, откровенно говоря, не яркой и недолгой. Сейчас терять было особенно нечего, кроме разве что лицензии частного сыщика. Сомнительная ценность, что и говорить.

ГЛАВА 6

Утро было таким же серым, как и вчера, но зато без дождя. Вновь поднявшийся ветер за ночь просушил дороги, тротуары и крыши домов. Город жил надеждами на бабье лето, и Виктор эти надежды вполне разделял.

Он гнал машину на запад, по прибрежному шоссе, на ходу решая, ехать ли сразу в контору старика Манлихера или заскочить по пути в яхт-клуб «Корсар». В итоге победило рациональное желание попасть сначала в яхт-клуб и найти тот самый торпедный катер, где, вполне могло стать, находился Антон Берков, пусть даже в самом непотребном виде. Если это так, дело будет закрыто, и ехать к Манлихеру просто не будет нужды. Он перестроился правее, чтобы не пропустить съезд с шоссе и поехал медленнее.

Ужасно хотелось спать. Короткий ночной сон несколько не восстановил силы, и подскочив утром от дребезга будильника, Виктор искренне позавидовал своей кошке – сонной, сытой, беспечно свернувшейся в кресле рыжим клубком и не испытывающей никакой нужды мчаться на другой конец города черт знает зачем.

Перед тем, как выйти из дома, он позвонил своему старинному приятелю и бывшему однополчанину Марку Пачису. Марк работал в муниципальной налоговой службе, и этим грех было не воспользоваться. На просьбу выяснить номер и марку автомобиля, за который платит транспортный налог некий Антон Берков, Марк тут же принялся ворчать, что «это не совсем законно, а если быть точным – совсем не законно», но потом смиростивился и сказал, чтобы Виктор позвонил ему ближе к обеду...

Он съехал с шоссе, сделал длинную петлю и, проскочив сквозь тоннель под трассой, покатил по узкой двухполосной дороге в сторону залива. Местность была знакомой. Ему уже случилось бывать здесь, выслеживая некоего озорника-банкира по заказу его же собственной супруги – дамочка подозревала благоверного в том, что тот пользуется их общей яхтой для своих тайных любовных утех – так оно, кстати, и оказалось.

Впереди, сквозь оранжевые сосновые стволы, блеснуло похожее на застывший свинец море, но дорога вильнула вправо, и между ней и совсем уже близким берегом залива возник и потянулся бесконечный высокий забор, временами скрывавшийся в придорожных зарослях орешника. Там, за плотно сбитыми досками, прятались дорогие частные яхт-клубы, водные базы со сдающимися в аренду причалами, судоремонтные ангары, дебаркадеры с конторами береговых служб, плавучие отели, рестораны и заправочные станции.

Серые металлические ворота яхт-клуба «Корсар» были распахнуты настежь, дорогу закрывал только красно-белый полосатый шлагбаум. Виктор въехал на маленькую гостевую стоянку и, не выходя из машины, посмотрел на будку охранника. Лицо верзилы, маячившее за большим сдвижным стеклом, ему определенно не понравилось. Угрюмая физиономия бывшего полицейского или тюремного охранника – тут он редко ошибался. Ломать перед таким комедию, изображая страхового агента или потерявшегося гостя, было бы тратой времени, к тому же в запасе был более простой способ попасть на территорию клуба.

Он снова вырулил на дорогу и тихонько покатил в обратную сторону, высматривая место, где забор скрывался в зарослях небольшой сосновой рощи. Там он съехал на песчаную обочину, немного прокатился вперед и, оказавшись под прикрытием придорожных кустов, выключил двигатель. Сразу стал слышен шум ветра в сосновых кронах и далекие крики каких-то птиц, печальные, похожие на тихий стон и не способные заглушить даже тиканье часов на приборной панели. Он достал из «бардачка» подмышечную кобуру с револьвером, вынул из нее короткоствольный «детектив спецназ», откинул барабан и, убедившись, что все шесть патронов находятся в своих гнездах, коротким взмахом кисти вернул барабан на место.

За лобовым стеклом раздался мягкий шлепок. Вздрыгнув, Виктор поднял глаза. Прямо на капот прыгнула белка. Привстав на задних лапках, она с любопытством уставилась на сыщика черными бусинками глаз, потопталась по теплему металлу капота, быстро соскочила на крыло, оттуда на землю и исчезла. Виктор хмыкнул, вспоминая, нет ли на этот счет какой-нибудь народной приметы. Не вспомнил, но на всякий случай запихнул револьвер обратно в кобуру, обмотал ремнем и снова убрал в «бардачок». «С кем там воевать, в самом деле, разве что с белками?»

Он вышел из машины и посмотрел по сторонам – в сосновых ветках мелькнули еще два-три рыжих хвоста. «Ручные они здесь что ли?» Он снял плащ и бросил его на сиденье. Стараясь не хлопнуть, аккуратно прикрыл и запер дверцу машины. Еще раз посмотрел по сторонам, прислушался и, осторожно ступая, двинулся в сторону забора.

Забор был высокий, метра два с половиной. Шершавые доски, плотно сбитые и густо покрытые зеленой краской, стояли сплошной стеной. Сверху тянулась двойная спираль из ржавой колючей проволоки. Виктор брел вдоль забора, но смотрел не вверх, а вниз. Вот это место. Еле заметный, заросший папоротником овражек под углом уходил под доски забора, давая возможность пробраться на четвереньках на другую сторону. Он так и сделал, и уже через несколько секунд стоял, отряхивая руки, на территории яхт-клуба.

Здесь шумела и качала ветками другая половина рассеченной забором рощи, однако под ногами почти не было лесного мусора: сухих веток, шишек, упавших листьев и слежавшихся пластов хвои – за территорией, чувствовалось, следили. А сразу за сосновыми стволами, поднимался уже другой лес – лес желто-коричневых мачт над белоснежными корпусами морских яхт. Он осторожно выбрался из рощи на неширокую полосу берега, почти целиком упрятого под асфальт и бетон.

Порыв соленого ветра ударил с моря, заставив схватиться за шляпу. Он прижал шляпу рукой и огляделся. Прямо отсюда начинался сложный лабиринт деревянных причалов, разобрататься в котором постороннему человеку было почти невозможно. Никаких указателей не было, зато повсюду стояли пожарные щиты с баграми и ведрами, на жестяных крюках висели красно-белые спасательные круги из твердого, как доска, пенопласта. Людей тоже не было видно. Серый осенний день никого не соблазнил морской прогулкой. Лишь вдалеке шагал вдоль берега какой-то человек в синем рабочем комбинезоне и катил перед собой железную тачку.

Ветер, нагулявшись, утих. Две жирные чайки шумно скандалили над самой водой из-за дохлой рыбы. Темная непрозрачная вода ритмично поднималась и опускалась, облизывая обмазанные смолой сваи, хлюпала и причмокивала под досками причалов, словно диковинное животное, живущее там внизу, среди медуз и зеленых водорослей. Куда идти и где искать торпедный катер Самуила Мозгана Виктор не имел ни малейшего понятия.

Он пошел наугад. Громко затопал по пружинящим доскам, с которых почти слезла облупившаяся коричневая краска. Он шел и крутил головой, разглядывая катера и яхты, стоящие в персональных боксах или пришвартованные лагом, борт о борт. Фантастически красивые парусники – с одной или с двумя мачтами, узкие, длинные, изящные, словно сабельные клинки. Комфортабельные моторные яхты – небольшие, для отдыха, прогулок и морской рыбалки; и огромные, безумно дорогие многопалубные посудины, на которых можно смело пускаться в трансокеанские переходы. Гоночные катера самых разных конструкций и размеров – легкие и стремительные, с мощными высокооборотными моторами, способные любого зарядить адреналином на неделю вперед. Вся эта армада лениво покачивалось у причальных стенок, сонно отражая лакированными бортами блеск мельтешащей воды, шурша и поскрипывая развешанными вдоль бортов плетеными кранцами и время от времени натягивая швартовые канаты, словно проверяя их прочность.

Выглянуло солнце, сделав мир радостным. Плавающая ярмарка тщеславия дружно засверкала латунию и хромом, как опереточная примадонна фальшивыми бриллиантами. Чайки тут же перестали драться и картинно зависли над водой, изображая благородство.

Торпедный катер он заметил внезапно, как замечают в набитом праздными щеголями трамвае, демобилизованного с войны солдата – хмурого, в грубой шинели и с вещмешком за спиной. Катер был самый обыкновенный, каких Виктору, в свое время, довелось повидать немало. То, что он вышел прямо к нему, несомненно, было удачей, но удачей определенной свыше.

Он медленно двигался вдоль причала, с интересом осматривая списанного вояку. Судя по размерам и высокой угловатой рубке с ветрозащитным экраном, в прошлой жизни это был один из так называемых больших торпедных катеров, волей случая ставший штатской забавой. Длинноносый приземистый корпус свинцово-серого цвета. Аккуратные, почти без вмятин и ржавчины борта. Ровные, как по ниточке, поручни леерного ограждения. Названия нет – только белый номер «96». Позади рубки, открытая пулеметная площадка. На ней, на специальном станке, зачехленный пулемет, – вероятно, муляж. Ближе к корме, вдоль обоих бортов, трубы торпедных аппаратов – без торпед, если верить Манлихеру. На палубе никого. Все двери и люки задраены. Тишина.

Посмотрев по сторонам, Виктор сделал пару быстрых шагов к деревянным сходням и в один миг очутился на выкрашенной бурым суриком, металлической палубе. Каблуки застучали раздражающе громко, но ходить беззвучно тут можно было разве что в войлочных тапках. Стараясь ступать как можно мягче, он шагнул к рубке. Открывать дверь не стал. По скобтрапу забрался на пулеметную площадку и приподнял край брезентового чехла. К великому удивлению, пулемет оказался не муляжом, а самым настоящим крупнокалиберным зенитным пулеметом. Более того, выглядел вполне исправным и ухоженным – хоть сейчас вставляй ленту и в бой. Через переходной люк Виктор заглянул в рубку. Вполне себе обычная картина: ополитованный ладонями деревянный штурвал, сверкающие рукоятки управления двигателями, гирокомпас под чехлом, радиостанция, минимум приборов – ничего лишнего. Катер производил странное впечатление. Он не выглядел списанным ржавым хламом, но в то же время не был похож на вылизанную игрушку из коллекции эксцентричного миллионера. Это была исправная рабочая лошадка – инструмент, которым пользуются каждый день.

Он снова спустился на палубу и вдоль борта прошел к одному из торпедных аппаратов. Чуть приоткрыл крышку, сунул внутрь руку и... присвистнул от удивления. В аппарате была торпеда! Неужели Дядюшка Сэм и вправду использует катер по прямому назначению? Он открыл крышку полностью... Ерунда. Нет, конечно... То, что он сперва принял за торпеду, оказалось черным металлическим баллоном с редуктором и латунным вентиляем. Никаких надписей на баллоне не было видно – что в нем, оставалось только гадать. Он закрыл крышку аппарата и прошел еще дальше на корму. Здесь, под брезентом, оказалась большая электрическая лебедка, намертво прикрученная к палубе дюжиной крупных болтов. Виктор сдвинул брезент. Плотные уложенные витки новенького стального троса лоснились от графитовой смазки. Для чего нужна на катере такая лебедка, было совершенно не понятно...

– Эй, шляпа! Какого черта здесь надо?! – раздался за спиной грубый окрик.

Виктор резко обернулся. Стоящего возле рубки человека рассмотреть было трудно – солнце слепило глаза – но кто бы это не был, момент он выбрал очень умело... Нет, кажется, это не Дядюшка Сэм. Тот маленького роста, коренастый. А этот тощий и длинный, как жердь... Неужели Берков?

– Я вас спрашиваю! Кто вы такой и что здесь делаете? – снова крикнул «тощий» не самым дружелюбным тоном и начал двигаться вдоль борта в сторону Виктора. Одет он был в свободный водолазный свитер, черные морские брюки с клапаном и черную же фуражку с потускневшим от времени «золотым» якорем.

– Прошу прощения! – сказал Виктор, прямо-таки источая миролюбие. – Я ищу механика с этого катера. Это случайно не вы?

– Я что, не ясно спросил? – продолжал наседавать «тощий», и не думая сбавлять обороты. Свитер болтался на нем, как на вешалке, в растянутом вороте нервно прыгал кадык. – А ну-ка живо отвечайте – кто вы, черт возьми, такой?!

– Полегче, приятель! С какой это стати я должен вам отвечать? – запоздало огрызнулся Виктор.

– А с такой, что я начальник охраны яхт-клуба! Этого достаточно? Если нет, вот еще причина! – и в руке у «тощего» появился большой армейский пистолет, который он тут же направил Виктору в живот.

– Надеюсь, вы понимаете, что делаете? – глухо сказал Виктор, машинально отметив: сорок пятый калибр – игрушка не для психов.

– Я-то понимаю. А вот вы, господин в шляпе, похоже, нет.

«Тощий» подошел достаточно близко, и Виктор окончательно понял, что это никакой не Берков – высокий жилистый мужик лет сорока пяти с узким землистым лицом буровил его злыми глазами-щелочками. «С чего это он так психует?» – удивленно подумал Виктор.

– Объясняю для особо тупых, – противным голосом сказал «тощий». – Вы, господин как-вас-там, находитесь на территории частного яхт-клуба, и я хотел бы видеть ваше членское удостоверение. Служебный пропуск, заметьте, я у вас не спрашиваю – его у вас не может быть, потому что весь персонал я знаю в лицо.

– Ладно, ладно – не нервничайте... Нет у меня никакого удостоверения и я не член вашего клуба. – сказал Виктор, пытаясь перевести разговор в более спокойное русло. Он понял, что договориться с «тощим» будет непросто, и что сейчас придется врать, причем врать крайне осторожно. «Главное, когда врешь, не касаться пальцами собственного носа», – напомнил он себе первое правило знаменитого немецкого фрайхерра Иеронима Карла Фридриха фон Мюнхгаузена.

– Видите ли... – начал Виктор и поднял руку... к полям шляпы. Увидев, как следом нервно дернулся ствол пистолета, замер, медленно поднял вторую руку и повернул обе ладонями вперед, словно перед злобно рычащим псом, которого нужно хоть как-то успокоить. – Видите ли, мне просто нужен механик. Механик, который разбирается в военных катерах, – сказал он как можно спокойнее и посмотрел в глаза «тощего», оценивая его реакцию. Тот молчал с совершенно каменной физиономией, и Виктор продолжил: – Я случайно узнал, что здесь есть торпедный катер...

– Не опускайте руки! – рявкнул «тощий». – От кого узнали?

– Ну... Сейчас уже не помню. Может где-то в баре или еще где... Какая разница! – попытался замаять этот момент Виктор. «Тощий» не стал настаивать. – Так вот. Дело в том, что я собирался купить точно такой же катер. Списанный. Для рыбалки. Мне тут предложили по случаю... Моторную яхту я не потяну, слишком дорого, а старый военный катер – в самый раз. Просто хотел посоветоваться. Насчет содержания и вообще. Но если вы не механик, то... – Виктор снова взглянул на «тощего» и по его кривой и узкой, как зарубка на чурбаке, ухмылке, понял, что врал он сейчас совершенно бездарно.

– Как вы сюда попали? – жестко спросил «тощий», поигрывая пистолетом.

– Прилетел на воздушном шаре, – сердито буркнул Виктор, все еще держа руки поднятыми к плечам.

«Тощему» шутка не понравилась. Он сделал быстрый шаг вперед и стволом пистолета ткнул сыщика в солнечное сплетение. Пока Виктор судорожно хватал ртом воздух, «тощий» уже был на прежнем месте.

– А обратно что – поплывете? – спросил он, ухмыляясь. – Надеюсь, господин шутник хорошо плавает? – добавил он с издевкой, и вдруг гаркнул: – А ну, живо кругом! Повернитесь!

Виктор медленно повернулся лицом к корме. Он окинул взглядом далекий свинцовый горизонт и подумал, что даже если вода сейчас ледяная, с пульей в голове это будет не слишком беспокоить...

– Выше руки! – прикрикнул «тощий» и легонько ударил Виктора пистолетом под локоть. Свободной рукой он стал шарить по карманам его пиджака.

Оборвет, скотина, карманы, подумал Виктор, изо всех сил давя в себе злость. И все же интересно, с чего он так психует? Может и правда больной? Маньяк какой-нибудь или... или просто идиот?.. Идиот, который командует охраной яхт-клуба? А почему собственно нет. Если вспомнить, тебе встречались идиоты и на более важных постах... Хорошо, что револьвер остался в машине – сейчас бы у него был лишний повод.

«Тощий» нащупал во внутреннем кармане пиджака бумажник, вытащил его и зашелестел содержимым.

– Та-ак... Виктор Катранжи! – радостно объявил он голосом циркового шпрыхсталмейстера. – Господин частный сыщик!

Нашел, гад, копию лицензии, понял Виктор. Что там у меня еще? Записная книжка, водительские права, разрешение на оружие, пара фальшивых визиток, немного денег, кажется все... Контракт с Берковой и фотография ее брата остались в плаще, в машине. Может оно и к лучшему...

– И что же мы здесь вынюхиваем, господин платная ищейка? – глумливым голосом осведомился «тощий». – Только не нужно мне заливать про покупку катера. Судя по твоему бумажнику и шляпе, купить ты можешь разве что спасательный жилет, да и то не новый.

Сдалась ему моя шляпа, раздраженно подумал Виктор, про себя отметив, как быстро этот тип перешел на «ты».

– Ничего не могу добавить к тому, что уже сказал, – ответил он, стараясь чтобы голос звучал бесстрастно. – Разве только то, что вы нарушаете закон – но, думаю, вы и сами это знаете. Если вам не нравится мое присутствие здесь, вызывайте полицию. Если нет – верните документы и дайте уйти.

– Хм... Документы... – задумчиво произнес «тощий». – Что ж... На, сыщик, держи свои документы, – он запихнул бумажник в боковой карман его пиджака. – А теперь повернись и двигай вдоль борта... Медленно... Руки не опускать!

Виктор повернулся и пошел вдоль борта к сходням. «Тощий» отступил, пропуская его мимо себя. Дистанцию он держал умело. Виктор уже поставил ногу на сходни, но «тощий» его одернул:

– Не туда! Прямо! Двигай на нос катера!

Виктор пошел дальше, гадая, что задумал этот психованный начальник охраны. С поднятыми руками он миновал рубку, вышел на узкую носовую часть катера и остановился возле привинченного к палубе плоского металлического обода – бывшего оружейного фундамента. Солнце ласково светило в лицо, и это опять было некстати. Он не видел тени «тощего» и не мог хоть как-то контролировать события.

– Шагай дальше, сыщик! – ствол пистолета ткнулся между лопаток.

– Говорите, что вам нужно – я дальше не пойду, – сказал Виктор, не очень понимая, куда собственно дальше. Впереди были только сходящиеся углом поручни лееров и квадратный люк форпика, задраенный на четыре винта-барашка. Он уже хотел повернуться лицом к «тощему», но тот, оказавшись вдруг совсем рядом, ловко пнул Виктора под правое колено. Нога подломилась, и Виктор потерял равновесие. Пока он, размахивая руками, пытался выпрямиться, на его шляпу обрушился сокрушительный удар...

Не понравилась ему моя шляпа, успел подумать Виктор и отключился.

ГЛАВА 7

Под плоским днищем десантной баржи хрустит прибрежная галька. Старенький дизель больше не надрывается, а ровно молотит на малых оборотах. До берега еще метров пятьдесят, и Виктор опускает аппарель прямо в воду. Грохоча каблуками по рифленому железу, морпехи гурьбой кидаются в открывшийся проем, зная, что неподвижная баржа отличная мишень. Держа винтовки над головой, они ломаются сквозь волны к берегу, где их ждет узкая полоска каменистого пляжа и отвесные, ощетилившиеся смертельной сталью скалы...

Вражеский берег молчит, и Виктор хочет одного: как можно скорее уйти назад в море. Он поднимает аппарель, включает реверс и дает дизелю максимальные обороты. Железный корпус мелко трясется и баржа начинает с мерзким скрежетом, неохотно сползать с камней. Дизель внизу судорожно стучит, охает и вдруг глохнет. Становится очень тихо. Только волны одна за другой накатывают с протяжным нарастающим шипением. Они играючи приподнимают корму и раз за разом колотят днище баржи о каменистое дно.

«Тук... Тук...»

«Марк! – орет Виктор в люк машинного отделения. – Что случилось, Марк?! Почему встали?!»

«Тук... Тук...»

«Марк, черт возьми! Заводи, слышишь? Заводи, пока они не стреляют!»

В ответ тишина, только камни бьют в днище.

«Тук... Тук...»

В воздухе чувствуется едкий, удушающий запах нитрокраки. От него слезятся глаза, и начинает болеть голова. Тупая пульсирующая боль...

«Тук... Тук...»

Виктор смотрит по сторонам. Морпехи серо-зелеными муравьями расползлись по берегу. Баржи, похожие на большие железные корыта, одна за одной разворачиваются и уходят в море. Только он застрял между двух стихий...

«Тук... Тук...»

Откуда взялся этот запах?... Виктор высовывается из рубки и заглядывает в ковш десантного отсека. Там, спиной к нему, застыла одинокая фигура морского пехотинца.

«Эй, солдат! Какого черта ты остался! – кричит ему Виктор сверху. – Эй, слышишь?! Ты что, сукин сын, трусил?»

Не оборачиваясь, солдат отвечает гулким басом: «Идите сами! Я не потащусь туда с больными ногами!»

«Что за кретин...» – недоумевает Виктор и смотрит на его ноги, почему-то обутые в восточные серебряные туфли с острыми загнутыми вверх мысами. Кажется, он уже где-то видел такие...

«Рядовой!.. Кругом!» – кричит Виктор срывающимся голосом. Солдат не двигается. – «Солдат! Я приказываю повернуться!»

Виктор тянется к кобуре на поясе и рывком ее расстегивает. Кобура оказывается пустой, и тогда Виктор вспоминает, что оставил пистолет в «бардачке» машины... Хотя нет... Там он оставил револьвер 38-го калибра, а в кобуре должен быть автоматический армейский «кольт». Виктор снова сует руку в кобуру. Черт возьми! Его табельный пистолет на месте! Он с яростью выдергивает его, клацает затвором и целится в затянутую сеткой каску солдата.

«Солдат!.. Слышишь?! Повернись, или я стреляю!»

Откуда-то появляется Марк и начинает нудить под руку: «Виктор, это не совсем законно. Точнее – совсем не законно...»

«Тук... Тук...» – днище стучит о камни... пахнет краской... ужасно раскалывается голова...

Виктор начинает злиться: «Марк, тоже мне умник, у самого двигатель заглох, а он тут «законно-незаконно!»

И тут солдат ловко, на раз-два, поворачивается кругом.

«Дядюшка Сэм!» – сразу узнает его Виктор.

Дядюшка Сэм широко улыбается, сверкая улыбкой на миллион, и издевательски участливо спрашивает: «Надеюсь, помощник окружного прокурора хорошо плавает?..»

«Тук... Тук...» – раздалось где-то рядом...

Виктор очнулся, открыл глаза и ничего не увидел.

Наверное я ослеп, подумал он отстраненно. Затем попробовал пошевелить руками. Правую не почувствовал.левой, кажется, что-то получилось. С великим трудом он поднес онемевшую руку к лицу и разглядел светящийся циферблат часов. Часы показывали начало первого.

«Тук... Тук...» – снова этот глухой стук... И плеск волн... И еще тяжелый, ядовитый запах краски...

«Торпедный катер!»

И тогда он вспомнил все, и у него сразу дико заболела голова...

Ему понадобилось еще минут пять, чтобы окончательно прийти в себя и разобраться в обстановке. Обстановка была невеселой. Он был заперт в абсолютно темном, крошечном пространстве неправильной формы. Под ним был рифленный металлический лист, на котором он провалялся больше двух часов в позе эмбриона. Низкий потолок не позволял встать в полный рост. Плеск воды и повторяющийся глухой стук говорили о том, что он все еще на катере, бьющимся привальным брусом о причал. Скорее всего, в форпике, где традиционно расположена малярка.

Он с опаской принялся ощупывать темноту, натываясь руками на стеллажи с банками и всяким хламом. Не было ни спичек, ни зажигалки, чтобы подсветить, но если бы и были, запах краски стоял столь плотный, что вряд ли бы он рискнул ими воспользоваться.

Борясь с дурнотой, он стал на ощупь искать выключатель. Не нашел, зато обнаружил под ногами свою многострадальную шляпу, а рядом наткнулся на предмет, показавшийся для этого места неожиданным. Это были очки с круглыми линзами в металлической оправе. Он осторожно ощупал их кончиками пальцев (линзы были толстыми, а одна оказалась лопнувшей посередине), кое-как завернул в носовой платок и сунул в нагрудный карман пиджака. Снова попытался нащупать выключатель, но вдруг услышал над головой стук каблуков. Он напрягся и торопливо зашарил вокруг руками, в расчете найти что-нибудь способное послужить оружием, схватил наугад какую-то палку и, сообразив, что это ручка малярного валика, с досадой отбросил в сторону...

Над головой раздался противный скрип отвинчиваемых «барашков» – один, второй, третий... А смазать-то поленились, не ко времени подумал Виктор. В былые времена Марк за такое получил бы от меня по шее... Люк рывком приподнялся, издав звук отдираемой резины, и тяжело откинулся в сторону. Через квадратный проем вниз обрушился невыносимо яркий столб света. Виктор зажмурил глаза и тут же застонал от пронзившей затылок боли.

– Очухался, сыщик? – раздался сверху голос «тощего». – Давай-ка вылезай оттуда, да поживей!

Щурясь, Виктор посмотрел вверх и увидел большой угловатый силуэт. «Тощий» сидел на корточках у края люка – мосластый, похожий на гигантского богомола. Костлявые ручищи он свесил между колен. Большой черный пистолет небрежно раскачивался на фаланге указательного пальца.

Виктор поставил ногу на перекладину короткой металлической лесенки, и ухватившись за край люка, тяжело выбрался на палубу. Выпрямился, набрал полную грудь фантастически свежего воздуха и неловко покачнулся... Краска, подумал он – успел-таки надышаться... Ноги казались ватными, непослушными, голова кружилась, к горлу то и дело подкатывала тошнота. И хотя глаза уже начали привыкать к свету, боковое зрение работало плохо, все вокруг было как в тумане.

«Тощий», как и прежде, держался на приличной дистанции, глядя на Виктора без всякого выражения на своем по-рыбьи вытянутом лице.

– Шагай к трапу... – скомандовал он каким-то скучным голосом и вяло махнул пистолетом.

Виктору голос «тощего» не понравился. И взгляд его тоже не понравился. Тухлый такой взгляд, оловянный – как у несвежего окуня на разделочной доске в дешевом азиатском ресторане. Еще такой взгляд бывает у главаря уличной шпаны, когда тот, пряча в рукаве финку, делает шаг навстречу зарвавшемуся дружку.

Цепляясь руками за поручни, Виктор заковылял вдоль борта. Он шел, словно пьяный, шарахаясь из стороны в сторону. Ступив на сходни, качнулся неловко, сделал пару шагов и остановился аккуратно посередине. Ну и видок у меня, должно быть, подумал он, глядя на свою расхристанную тень,

– Шагай, шагай, сыщик, чего встал!.. – тут же загнусавил за спиной «тощий».

Приметив место, где была тень от его собственной головы, Виктор сошел на причал, сделал шаг в сторону и снова остановился. На сходнях тут же запрыгала вытянутая тень «тощего». Виктор дождался, когда она достигнет примеченного места, сделал поправку на разницу в росте и, резко повернувшись, ударил ногой по сходням.

«Тощий» в этот момент смотрел под ноги и не ждал атаки. Лишившись опоры, он ахнул, мощно качнулся всем телом вбок, нелепо взмахнул огромными ручищами и, взметнув к небу длинную, как шлагбаум, ногу, с дровяным грохотом рухнул в щель между стенкой причала и бортом катера. В щели тяжело бултыхнуло, вверх взлетели пенистые брызги. Швартовые концы натянулись, как тетива, затем спружинили, и катер грузно навалился привальным бруском на причал. Щель сомкнулась. «Тук... Тук...» – глухо ударило снизу.

Грохоча каблуками, Виктор бросился сквозь путаницу причалов в сторону берега. Он бежал что было сил. Ему казалось, он мчится как ветер, хотя в действительности его зигзагообразное движение на неверных заплетающихся ногах больше напоминало бег подстреленного лося, готового вот-вот откинуть копыта. Тем не менее, свои шансы Виктор оценивал достаточно высоко: «тощему» понадобится пара-тройка минут чтобы выбраться из воды и броситься в погоню. К тому же, еще не известно, сумел ли он не утопить в море пистолет.

«Тощий» пистолет не утопил. Как только Виктор пересек асфальт набережной и запетлял между сосен, за спиной бабахнуло, потом еще раз, и еще. Пули защелкали по стволам, с треском срезав несколько веток. Сверху посыпалась оранжевая труха. Перепуганные белки заматались под ногами, успевшими, к счастью, обрести былую прыть. Прижимая шляпу к голове, Виктор подбежал к лазу. Не останавливаясь, нырнул под забор, резво выскочил на четвереньках с другой стороны, и, словно танк, двинул прямо сквозь орешник к машине. Гибкие молодые ветви покорно ложились под него, чтобы тут же упруго распрямиться за спиной. Выстрелов больше не было. Эта территория уже не принадлежала яхт-клубу «Корсар», который только что оправдал свое название на все сто процентов.

ГЛАВА 8

Он гнал машину прочь от залива, то и дело посматривая в зеркало заднего вида. Зеркало мелко дрожало на тонкой хромированной ножке и отражало пустую обочину. Погони не было, однако правая нога упорно топила педаль газа в пол. Покрышки начали жалобно повизгивать в поворотах, когда он заставил себя убрать ногу с педали и перевести рычаг передач в нейтральное положение...

Что-то я разнервничался, подумал он запоздало, и, держа руль одной рукой, полез в карман за сигаретами. Никаких сигарет там, разумеется, не было, зато снова подвернулась подаренная Карлом жвачка. Он чертыхнулся вслух, а про себя подумал: если так пойдет и дальше, то до Рождества он без никотина, пожалуй, не дотянет и придется покупать Карлу проспоренный «Камю», а если все-таки дотянет, то самому ему «Камю» уже будет не нужен, а нужны будут творожок по утрам и теплая грелка...

Какое-то время машина двигалась накатом, шурша горячей резиной с белыми пижонскими боковинами, и только когда стрелка спидометра задрожала на цифре сорок, Виктор воткнул передачу и чуть прибавил скорость. Он опять оказался у развязки перед шоссе. После утренних приключений, ехать в «Давид и Голиаф» к Манлихеру совершенно расхотелось. Наоборот, было искреннее желание вернуться домой и поскорее сунуть разбитую голову под холодный душ. Ко всему прочему, пустой с утра желудок настойчиво намекал, что пора бы уже повнимательнее взглянуть на часы...

На часы он и правда взглянул. Взглянул и понял, что полдня потрачены впустую, а значит, о том, чтобы вернуться, не могло быть и речи – не с чем, черт возьми, ему было возвращаться! И тогда он вспомнил про очки...

Он вытащил из внутреннего кармана платок и, не глядя, вытряхнул очки на сиденье. Подхватил за дужку и, удерживая руль запястьями, стал крутить перед глазами. Такие же, как на фотографии, подумал он. Во всяком случае, очень похожи. Он попытался посмотреть сквозь них на дорогу, но машину трянуло, и половинка разбитого стекла выскочила из оправы...

Ну хорошо, допустим, думал он, пытаюсь нашарить под собой выпавший осколок. Допустим это очки Антона Беркова, которые каким-то образом попали на этот странный катер. Станным, впрочем, кажется не столько катер, сколько реакция психопата-охранника на его, Виктора, появление. Откровенно говоря, разбитая голова и выстрелы в спину, слишком большие накладные расходы для такого пустякового дела... Ладно, спишем на специфику профессии. Но где тогда сам Берков? Кроме «тощего», на катере, похоже, никого не было. Второй раз туда не сунешься, а других зацепок у меня нет. Так что, делать нечего, придется ехать к Манлихеру...

Он нашел-таки осколок линзы под штаниной, завернул его вместе с очками в платок и снова спрятал в карман.

После полудня совсем распогодилось. Солнце начало припекать не на шутку, и Виктор, нацепив на нос черные очки, расслабленно катил со сложенной по-летнему крышей. По радио крутили легкомысленные рок-н-рольчики, и он отдыхал за рулем, откровенно пользуясь моментом и не собираясь нигде останавливаться. Но остановиться все же пришлось.

«Марк просил позвонить после обеда», – вспомнил он утренний телефонный разговор и принялся высматривать какое-нибудь придорожное кафе, магазинчик или заправочную станцию. Первым попало кафе с весьма неоднозначным названием «Веселый пилигрим». Оно представляло собой выкрашенное белой краской одноэтажное щитовое строение с большой открытой верандой и совершенно пустой стоянкой, на которую у дорожников почему-то не хватило асфальта. Зато здесь имелась новенькая телефонная будка, возле которой, хрустнув гравием, Виктор остановил машину.

Марк ответил сразу. У него было отличное настроение. Идиотски-бодрым, как у диснеевских героев, голосом он принялся рассказывать Виктору о том, как вчера вечером Марта (то есть его жена) разделывала на кухне огромного тунца, которого он, Марк, самолично выловил в заливе, проявив, как водится в таких случаях, необходимую мужскую смекалку, выдержку и даже, чего уж там скрывать, самую что ни на есть отвагу. И вот разделывая, значит, этого тунца, вышеупомянутая Марта обнаружила в далеко не маленьком тунцовом чреве, что бы вы думали...

Виктор догадался, что возле Марка кто-то стоит, и что он не может сейчас говорить открыто, поэтому просто слушал и ждал, когда закончится весь этот рыболовно-гастрономический бред...

Что там обнаружилось в рыбьих потрохах, он так и не понял, но по возникшей вдруг паузе, догадался, что настала его очередь вступить в диалог. Тогда он, дурашливо копируя интонации Марка, поведал ему о том, как вчера вечером Марта (то есть его кошка) за один присест умяла здоровенную банку рыбных консервов (тоже, кстати, тунца), которую он, Виктор, самолично приволок после часовых метаний по ночным магазинам. Не найдя в одной банке ничегошеньки кроме рыбы, вышеупомянутая Марта спокойненько затем завалилась дрыхнуть, даже не мякнув в знак благодарности, и ныне пребывает в состоянии сытого счастья, чего и нам с вами, господин налоговый инспектор, желает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.